

МАГДАЛИНА
ШАСТЬ

ПОСЛЕ
ПОЛУНОЧИ
ПРАВИТ
ЧЁРТ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш27

Шась, М.

Ш27 После полуночи правит чёрт/ М. Шась. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 240 с.

ISBN 978-5-517-13016-7

Семья Сыромятниковых, маленький Егор, папа и мачеха, заселяется в новый дом. Папину жену Егор ненавидит всем сердцем, ведь его мама умерла совсем недавно. Но очень скоро оказывается, что нелюбимая мачеха — это не самая страшная беда Егора, а их взаимоотношения с отцом — лишь верхушка огромного, наполненного страшными семейными тайнами айсберга. Фантастическая история о дружбе, зависти, предательстве и материнской любви, и о невероятных достижениях современной медицины. Содержит поверхностные описания врождённых уродств и болезней.

BIC FH
BISAC FIC022080

ISBN 978-5-517-13016-7

© Магдалина Шась, текст, 2025
© Мария Хромцова, художественное
оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

Пасынок шведского бизнесмена Диксона Николай Никитин взял фамилию отчима и продолжил семейное дело. Встав во главе малоизвестного бренда по производству современного медицинского оборудования, он совершил невозможное: корпорация Диксонов опутала своими прочными сетями весь земной шар и стала приносить баснословные доходы.

Никлас Диксон мог бы спокойно наслаждаться жизнью в тени вечнозелёных пальм принадлежавшего ему тропического острова, но головокружительный успех серьёзно омрачало постыдное прошлое: когда-то, ещё будучи Никитиным, он продал хитрому проходимцу древний артефакт «Чёртов манускрипт», и не просто продал, а отдал за бесценок, не разобравшись, что стоимость магической книги гораздо выше. Душа всемирно известного коммерсанта не вынесла позора, и он твёрдо решил вернуть потерянную реликвию. Это было делом чести, тем более что теперь Диксон был уверен: слухи о манускрипте не лишены смысла, и при правильном прочтении книга реально работает.

И вот сегодня Никлас снова приехал в Россию — туда, откуда всё началось, где всё ещё проживал его сын от первого брака, в страну своих наивных фантазий и робких планов.

Господин Диксон велел водителю припарковаться напротив экспериментальной клиники «Соколиный глаз» — двухэтажного кирпичного здания с фасадной вывеской в виде огромного сокола. Это было место, где глупец Коля Никитин понял, какую беду сотворил. Невозвратная точка отсчёта.

Бизнесмен долго вглядывался в опущенные жалюзи на окнах первого этажа, терзаясь болезненными воспоминаниями. Когда-то давно они пришли сюда втроём: он, она и их маленький сын Ваня, больной с рождения. Клиника «Соколиный глаз» была последней надеждой безутешных родителей на спасение ребёнка, но Ваню на лечение не взяли.

Это было давно, очень давно, но забыть ту степень своего отчаяния Диксон так и не смог.

— Будьте прокляты! — желчно процедил он, содрогаясь всем телом и сжимая кулаки.

И тут из той проклятой клиники вышла ОНА.

Никлас уставился на НЕЁ из окна своего «Rolls-Royce» с неподдельным изумлением. Нет, не её великолепная грация так его поразила. Маргарита Львовна всегда была на голову выше других, и к её царственной осанке Николай давно привык. Даже импозантный спутник дамы не вызвал у него никаких особых эмоций — мужчины Ритку любили. Не это взволновало холодное сердце. Всемирно известный бизнесмен смотрел округлившимися от удивления глазами на огромный живот цветущей и радостной Маргариты Львовны!

— Беременна и... счастлива? — прошептали его побелевшие губы чуть слышно. — Но этого не может быть!

ПРОЛОГ

Счастье на лице царственной Маргариты означало лишь одно: «Чёртов манускрипт» у неё.

ГЛАВА 1

АЛЕКСЕЙ ВОЛЬДЕМАРОВИЧ

Молодая судья поглядывала на Сыромятникова с сонным равнодушием. Было заметно, что его напряжённая тирада не вызывала в ней ничего, кроме желания зевнуть.

— Моя супруга Риточка... Маргарита Львовна. В тот день она решила помыть окна. Я всегда ругал её за неосторожность, понимаете? Даже робота-мойщика ей купил, чтобы не рисковала, но Рита не доверяла технике, боялась, не умела... Это я во всём виноват. Я!

— Алексей Вольдемарович, вы не о том говорите, — симпатичная девушка-адвокат смотрела на Сыромятникова с укором. — Мы же договорились не упоминать о трагедии.

— Как не упоминать? Как? Моя Рита... Она упала с пятого этажа, лицом на дождеватель для полива газона. Она пробилась себе глазницу...

— Ваша честь, защита просит перерыв!

— Не возражаю.

Бледный и готовый расплакаться, Сыромятников вышел в сопровождении своего адвоката в сумрачный и неуютный коридор областного суда. Высокий седовласый мужчи-

на средних лет никогда не считал себя истериком, но смерть жены и вся эта дурацкая ситуация с иском о причинении тяжкого вреда здоровью основательно его подкосила. Он до последнего не верил, что окажется на скамье подсудимых. Обычно все претензии решались в досудебном порядке.

— Что вы несёте, Алексей Вольдемарович? Вы же сами себя закапываете, прекратите! — отчитывала его по дороге строгая защитница. Как эту пигалицу-юриста зовут? Кажется, Наталья? Совсем ребёнок! Что она в юриспруденции понимает?

— Наталья, мне обещали, что будет суд присяжных. И где он? Что за убогий спектакль за закрытыми дверьми? Эта... судья. Сколько ей? Двадцать пять? Двадцать? Какого чёрта?! Я требую суд присяжных!

— Да успокойтесь вы! В вашем случае предпочтительнее закрытое судебное заседание. Или у вас ОПГ? Вы хотите, чтобы вас прилюдно растерзали? Вы хоть представляете себе, какие круги ада мне пришлось пройти, чтоб добиться удовлетворения ходатайства о закрытом разбирательстве? Я упомянула коммерческую и врачебную тайну, убедила потерпевшую пойти нам навстречу и про вашу безопасность не забыла. Вы же сами жаловались, что вам периодически угрожают расправой. Забыли? Добиться по этой категории дел закрытого судебного разбирательства почти невозможно, но я совершила настоящее чудо!

— Чудо? Как вам угодно, но никаких особенных чудес, кроме флегматичной девчонки в чёрной мантии, я не вижу. В этом наряде она похожа на юную пособницу Дракулы.

— Не ёрничайте! Из-за вас женщина ослепла, доктор! И скажите спасибо, что ваша пациентка не имеет денег на

хорошую защиту! Вы не последний человек в нашем городе, и скандал вам не нужен. Если об этом инциденте узнают конкуренты, а рано или поздно они узнают...

— Я не последний человек не только в нашем городе, но и в нашей стране.

— Тем более.

Алексей Вольдемарович Сыромятников дураком не был. Он был профессором, доктором медицинских наук и руководителем одного из крупнейших экспериментальных центров микрохирургии глаза.

— Хватит! Я всё понял.

— Продолжим, доктор. То, что ваша жена трагически погибла, не оправдание вашей небрежности. Вы должны были отменить операцию, если чувствовали себя неважно.

— Неважно?! Моя жена умерла! Странная и нелепая смерть. Повсюду кровь и ликвор. Мозги, Боже мой, понимаете вы или нет?! На газоне, на асфальте, на бордюре. Это ужас! Ужас! Мне пришлось хоронить её в закрытом гробу. В закрытом, понимаете?! Мой маленький сын...

— Успокойтесь, Алексей Вольдемарович. В тот день вы были пьяны?

— Я не пью. Совершенно не пью. Уже пять лет.

— Есть свидетели, утверждающие, что в день операции от вас пахло алкоголем.

— Ложь! В тот день я переборщил с туалетной водой, вот и всё. Риточка подарила мне эту... хм... вонючую туалетную воду на день рождения. Отвратительный аромат, совершенно не мой. Это был запоздалый жест в честь покойной жены, понимаете? Я никогда не пользовался её подарком до того злополучного дня.

— Хорошо. Стойте на своём, что бы ни случилось. Обвинение будет утверждать, что в тот день вы были не в себе. Не нужно им в этом помогать, больше ни слова о семейной трагедии. Это не имеет никакого отношения к делу.

— Какое дело?! Это была рядовая кератопластика, всего лишь пересадка роговицы. Я могу всё исправить, сам. Хотя сегодня.

— Вы уже наворотили дел! Молитесь, чтобы срок был условный.

— Какой срок, Наташа?! Это всего лишь недоразумение! Та пациентка и так ни черта не видела! Она не могла ослепнуть! Не могла, Наташа!

— Я не Наташа.

— Чёрт!

ГЛАВА 2

В ДОМЕ ТОЧНО КТО-ТО ЕСТЬ

Тук-тук. Тук-тук. Чирк.

Егор вздрогнул и проснулся. В окно детской заглядывала полная луна. Облака оплетали небесное светило, словно воздушное бабушкино кружево, которая та вязала крючком длинными зимними вечерами. Егор бабушку любил. Бабушка жарила на чугунной сковороде вкусные пирожки с картошкой и пела внуку песни — не те глупые колыбельные песни, которые поют маленьким детям, а настоящие, взрослые: про жизнь и смерть, боль и несправедливость, любовь и разочарование.

Тук-тук.

Не слышалось. Егор присел в тёплой постели и до боли напряг свой чуткий слух. Едва слышно тикали настенные часы, а где-то внизу работал телевизор. Наверное, папа не спал. Возможно, сидел сейчас на новеньком кожаном диване в обнимку со своей молодой женой. Егор брезгливо сплюнул и оттолкнул от себя душное одеяло.

Катька... Всё бельё пахло теперь её вонючими, сладковатыми духами, от которых у Егора закладывало нос. Ко-